

Евгений СТЕПАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ-МЕТАФОРЫ ГЕННАДИЯ АЙГИ, ВИКТОРА СОСНОРЫ И ВАЛЕРИЯ ПРОКОШИНА

Метафора (как универсальный троп, применяемый и в поэзии, и в прозе, и в повседневной речи) является предметом исследования на протяжении столетий. Одну из первых дефиниций дал Аристотель, который считал, что метафора «есть перенесение имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии... Слагать хорошие метафоры — значит подмечать сходство (в природе)» [1]. В. Жирмунский, развивая точку зрения Аристотеля, видел смысл метафоры в дифференциации семантики: «С тропами мы встречаемся и в обыденном языке. Изменения смысла слов происходит в языке по тем же категориям, по каким оно происходит в поэзии. Слова в определенном контексте могут менять в языке свое значение. Из этого окказионального (на данный случай) изменения слова в конце концов происходит и замещение значение слова узуальное, т. е. устанавливается узус, обыкновение, по которому слово может употребляться в другом значении, уже связанном с языковым обычаем» [2].

Р. Якобсон отмечал, что «метафора устанавливает продуктивную ассоциацию путем аналогии или контраста» [3].

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Знамя», «Звезда», «Урал», «Наш современник», «Интерпоэзия», «Арион», «Юность», «День и Ночь», «Волга», «Подъем», «Дон» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига и премии журнала «Нева».

В целом русская филологическая наука основательно изучила и продолжает изучать различные аспекты метафоры.

Наша дефиниция предельно проста и основана на точке зрения В. Жирмунского: метафора — это замена окказионального значения слова на узуальное; прием, служащий определенной художественной задаче.

Исходя из вышеприведенного постулата, мы и будем в дальнейшем анализировать поэтику Геннадия Айги, Виктора Сосноры и Валерия Прокошина.

Речь метафорична по своей природе, именно метафора раздвигает границы сознания и познания, обогащая язык (иначе он просто не смог бы существовать и развиваться!) и рацио. Метафора может быть выражена существительным, прилагательным, глаголом — это подвижная и универсальная лингвистическая структура, которая объединяет язык поэзии и прозы, делает верлибр верлибром, а язык практический и прозаический — языком поэтическим.

Метафора — повсеместна. Предельно лаконично и убедительно по этому поводу высказался А. Квятковский: «Наша бытовая речь пестрит м.: идет дождь, он потерял голову, кружится голова, торговая сеть, горячее сердце, убит горем, встает солнце, пришла весна, железная воля, у нее кровь с молоком, горящие глаза, тонкий голос, тяжелый характер и т. д.» [4].

Однако метафоры подобны нарядам — рано или поздно устаревают. То, что вчера казалось новым, сегодня оказывается штампом. Об этом много лет назад точно заметил Р. Якобсон [5].

В. Жирмунский употреблял термин «поблекшие метафоры», то есть «м., которые не оказывают в обычной прозаической речи никакого особого эмоционального художественного воздействия» [6].

Поблекших метафор в отечественной изящной словесности накопилось множество. И, конечно, в современной поэтической речи они выглядят не всегда уместно. Между тем роль поблекших метафор амбивалентна, и рассматривать их только с отрицательной точки зрения нельзя, именно на их фоне появляются новые имажинативные системы. Появляются, соответственно, и новые термины. Р. Якобсон: «Когда в какой-то метафорической системе метафорическая функция сильно акцентирована, традиционные классификации рушатся, и предметы вовлекаются в новые конфигурации, подчиненные новым классификационным признакам» [7]. Константин Кедров в 1986 году предложил термин «метаметафора» и сформулировал квинтэссенцию «метафоры, где каждая вещь — вселенная» [8]. «Такой метафоры, — пишет К. Кедров, — раньше не было. Раньше все сравнивали. Поэт как солнце, или как река, или как трамвай. У Парщикова (поэт Алексей Парщиков. — Е. С.) не сравнение, не уподобление. Он и есть все то, о чем пишет. Здесь нет дерева отдельно от земли, земли отдельно от неба, неба отдельно от космоса, космоса отдельно от человека. Это зрение человека вселенной. Это метаметафора» [9]. Михаил Эпштейн создал термин «метабола».

«Метафора или сравнение — это вспышка, более или менее яркая, но неизбежно гаснущая, ибо привносится в реальность откуда-то извне, чтобы на миг осветить ее и запечатлеть. Новая поэзия ищет источник света в самом освещаемом предмете, раздвигая изнутри границы его реальности, раскрывая его одновременную и безусловную принадлежность разным мирам. Такой поэтический образ, в котором нет разделения на „реальное“ и „иллюзорное“, „прямое“ и „переносное“, но есть непрерывность перехода от одного к другому, их подлинная взаимопричастность, мы, в отличие от метафоры, назовем метаболой (древнегреческое „перемещение“, „превращение“, „поворот“)» [10]. «Метабола — это образ, не делимый надвое, на прямое и переносное значение, на описанный предмет и привлеченное подобие, это образ двоящейся и вме-

сте с тем единой реальности. Природа и завод превращаются друг в друга через лесобразные постройки, которые растут по собственным непостижимым законам, — техника имеет свою органику, и вместе они составляют одну реальность, в которой узнаваемо и жутко переплелись растительные и металлургические черты» [11].

Интересный факт: Константин Кедров и Михаил Эпштейн, предлагая новые филологические термины, рассматривают творчество одного круга поэтов: Александра Ерёменко, Алексея Парщикова, Ивана Жданова, Ильи Кутика и других. Очевидно, что потребность в новой терминологии в 80-е годы прошлого века активно назревала, возникали новые имена, новые течения. Однако возникали они не на пустом месте, и необходимая рецепция распространилась, как это часто бывает в литературоведении, на предмет, безусловно, интересный, но тем не менее в т о р и ч н ы й.

Кедров и Эпштейн точно выразили возникшее явление, сформулировали потребность его зафиксировать и осмыслить. Они развили тезу В. Жирмунского о поблекших метафорах, показав, что любая троповая система, если не самообновляется, с течением времени устаревает и тогда проявляет (во многом!) дисфункциональную антиэстетическую и антивыразительную доминанту.

Между тем новые выразительные конфигурации, новая метафорическая система (метаметафора или метабола), в которой (упрощая!) каждое слово и явление самоценны и несравнимы, возникли задолго до появления знаменитой тройки (Ерёменко — Парщиков — Жданов). Как минимум — поколением раньше. Авангардного принципа построения метафоры поэты-метаметафористы не создали, они развили уже сущест в о в а в ш и е традиции. В связи с этим нельзя не вспомнить двух ярких поэтов, пришедших в литературу в середине XX века и раскрывших свои дарования в конце XX — начале XXI века. Речь о Геннадие Айги (1934—2006) и Викторе Сосноре (1937—2018). Именно эти поэты создали н о в ы й тип р у с с к о г о стихотворения. Стихотворение-метафору/мегаметафору (термин мой. — Е. С.). Они опирались на традицию западной поэзии, прежде всего Целана и французских сюрреалистов (Бретон, Супо, Тцара). Вольно или невольно Айги и Соснора (блестящие знатоки и популяризаторы иностранной поэзии) абсорбировали западные литературные нанотехнологии, пойдя в этом смысле проторенной тропой национального гения — Пушкина. О сложных метафорических поэтиках Айги и Соснора создана обширная научная литература. Достаточно вспомнить статьи В. Новикова, С. Бирюкова, Ю. Орлицкого, Д. Бака, А. Мирзаева, Д. Голынка-Вольфсона, Л. Робеля, Ю. Милорава, Т. Грауз, В. Амурского, Н. Азаровой, Л. Зубовой, А. Арьева и многих других исследователей. Любопытный факт: Айги и Соснора, будучи абсолютно разными по литературному темпераменту авторами, отдают предпочтение в известной мере статичным (по сравнению с глагольными!) метафорам — метафорам-существительным.

Айги: мама-синица, бого-костер; Жизнеспирит; Россия-река; Опять — шорохи-шуршания. Это — брат мой; Зимы-Отклоненья; о Матери-Древе...

Соснора: толпа — протоплазма; Наше сердце — север-сфинкс; море-цепь, морегать; Страдальцы спермы; Солнце-Дамокл; Свеча-сердечко; Ласточка-луна; Рай-бал...

Глагольные метафоры чаще использует Соснора, поэт, несомненно, более экспрессивный и ритмизованный. Он, например, мастерски «оживляет» ставшую бытовой идиому «идет дождь», добавляя в структуру предложения сравнение: дождь идет по улицам, как лошадь. Поблекшая метафора в руках мастера обретает второе рождение. Нередко в качестве развернутой метафоры и Айги, и Соснора употребляют стихотворение и даже целую книгу [12].

Соснора:

Ходит и ходит
на цепи птица
с костяным клювом.
И стучит клювом
по стальным стеклам
моего неба.

Кто ты есть, птица?
Ты — судьба стаи?
Ты — ничья клятва?

Ты — мои мысли?
Ты — мои крылья?
Ты — мои цепи?

Клавиши света.
Мрамор кладбища.
Вопли ведьм пьяных.

Странности страсти
каменных комнат, —
о, объятья!

Лают псы в псарнях,
родились люди
для работ рабства.

Вот ушли луны,
унесли звезды, —
царствует солнце!

В небесах — нимбы!
Написать мне бы
сто страниц солнца [13].

Полисемантический образ птицы («судьба стаи», «ничья клятва», «мои крылья» и т. п.) пронизывает все стихотворение. Сумма метафор создает единую, сложную и развернутую мегаметафору, работает на сокреативную рецепцию читателя.

Айги:

Перед картинами Андреи Шомбург

окна Духа на этих холстах
(приснившиеся
зренью души
в виде полей и полян)
стойко-спокойные в их неподвижности

внутренне
скользят и подрагивают
у нас на глазах становясь
(будто ровно и вечно)
живущими (как безымянная зелень): —
о да: драгоценностями! —
целомудрия чувств
и болящей
(тонко)
руки

30 ноября 1992, Берлин [14]

В стихотворении-метафоре Айги (фактически это одно предложение) нет точки. Метаметафора (термин Кедрова здесь определенно уместен) создана из метафорической россыпи: «окна Духа»; «зренью души»; «целомудрия чувств» и т. п.). Красота избегает красотостей. Новую (непоблекшую) метафору следует искать, на мой взгляд, там, где ее никто не ищет. Нередко она находится в прозе или в предельно прозаизированных поэтических текстах.

Кстати говоря, мастером метафоры в прозе был Лев Толстой. Его метафоры, как правило, развернуты. Одна влечет за собой другую, метафорический ряд проясняет не только позицию героев произведения, но и выражает взгляд писателя на описываемые события. Характерны в этом смысле рассказы (повести) писателя: «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей» и даже романы. Не случайно В. Брюсов считал произведения автора «Анны Карениной» и «Войны и мира» поэзией [15]. Вспомним рассказ «Смерть Ивана Ильича»: «Тотчас же (Иван Ильич. — Е. С.) уходил в свой отдельный, выгороженный им мир службы и в нем находил приятности»; «Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки, утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба...» [16]. Ключевое слово в метафорической системе Толстого — мир. Мир как мироздание и как индивидуальный космос. Поэты и прозаики иногда меняются местами. В современной России немало поэтов, работающих в жанре «зарифмованный рассказ». Они, опираясь на лучшие российские (советские) стихотворные традиции середины и конца прошлого века (Борис Слуцкий, Александр Межиров, Аркадий Кутилов, Александр Ханьзов, Олег Григорьев), ужесточили черты современной просодии, рифмованный текст стал еще более прозаизирован, в стихах появились максимально густая плотность, усиленная аллитерационными возможностями языка, максимум просторечной, бытовой и даже обценной лексики. Это поэзия жесткая, нелюбимая, зачастую граничащая с физиологическим очерком. И вот на этом фоне, в рамках непоэтического контекста особенно ярко и суггестивно выглядит метафора, развернутая метафора, метаметафора и мегаметафора как часть поэтического языка. Именно контекст в данном случае подчеркивает текстовое своеобразие. Характерна в этом смысле поэма выдающегося русского национального поэта *Валерия Прокошина* (1959—2009) «Выпускной-77», построенная как большая и единая развернутая метафора.

Суть этой поэмы-метафоры (думаю, уместен и такой окказиональный термин), о которой уже много написано, заключается в том, что автор рассказывает о судьбах выпускников одного класса обычной провинциальной школы. И эти трагические судьбы (один спился, второй повесился, третья умерла от малокровия и т. п.) вырастают в одну страшную, гибельную суицидальную метафору, говорящую о современной (нестоличной) России больше, чем любые статистические отчеты. Развернутая метафора в поэме Прокошина существует не ради самой себя, а выполняет важную смыс-

лообразующую, выразительную суггестивную роль, становится образом, еще точнее — аллегорией.

Колька Тожин — спился и умер в 37
 Геша Спиринов — чемпион области по лыжам на короткие дистанции
 спился и то ли выпал то ли выбросился из окна
 Галочка Давыдова — учившая меня
 танцевать шейк курить пить вино целоваться
 погибла в совхозе-миллионере
 под копытами сорвавшегося с цепи совхозного быка
 вместе с ней скончались дочь и сын
 она была на 8-ом месяце беременности
 Шурик Вишневецкий — после армии постоянно пропадал в тюрьмах
 последний раз ему дали пожизненно
 за тройное убийство матери отца и соседки
 Иришка Пахомовская — школьная красавица
 по ней сходили с ума многие старшеклассники
 говорили что она трахается с третьего класса
 нарожала кучу детей 6 или 7
 а может быть даже 8
 стала бабкой в 34 года
 вечерами она часто сидит на лавочке у подъезда
 вместе с настоящими старухами
 и точит лясы вставными челюстями
 Мишка Колотилихин — второгодник прогульщик двоечник
 кажется в четвертом или пятом классе
 после урока математики
 мы с ним мерялись членами в школьной уборной
 пьяным сгорел в своем доме
 через 9 лет после выпускного вечера
 Денис Завьялов — спился и умер в 40 лет
 Сема Семашко — журналист районной газеты «за коммунизм»
 пьяным утонул в протве
 на глазах матери отца брата двоих сестер жены сына дочери
 двух племянников друга и его подруги
 Оксана Мартынова — хохотушка и сплетница
 в 28 лет была зарезана пьяным любовником
 прямо на крыльце больницы
 в которой она сделала очередной аборт [17]

Финал этой поэмы безрадостен. На встречу выпускников приходит только автор (которого в настоящий момент тоже нет в живых). Точка поставлена. Окказиональное становится узуальным. Метафора. Жизнь.

Стихотворцы пишут стихи. Поэты создают (или воскрешают!) миры, цивилизации. Об этом одно из ярчайших стихотворений-метафор Виктора Сосноры.

Так-так, — сказал один мертвец
 другому мертвецу:
 — Ты мудрец, и я мудрец,
 поедем к мудрецу. —

Поехали, приехали.
Оставили ослов.
Поспорили о веке, –
основе из основ.

Все было: чары, чертов круг,
мечты, молитвы (эх!).
И был тот третий милый друг
мертвее мертвых всех.

Так стало трое мудрецов –
произошел прогресс.
О, мысли! Пища мертвецов!
О, песенки повес!

А вывод?

Все на свете – смесь.
Все весело, ей-ей!
И жизнь – есть жизнь, и смерть – есть смерть,
все в сумме – БЫТИЕ [18].

Да, все в сумме – БЫТИЕ. Бытие, где смерть и жизнь едины.

Что сказать в финале этих посильных заметок?

Первые подступы к постижению метафорики русской поэзии XX–XXI веков автор сделал довольно давно, см., в частности, статью 2011 года «Метафора. Метаметафора. Метабола» [19]. Метафорический ряд современной поэзии постепенно усложняется, новые интересные авторы появляются на страницах литературных изданий. Забыть об их версификационных достижениях никто не собирается. Но важно помнить и о тех, кто был (и остается!) в авангарде отечественной поэзии. Стихотворение-метафора/мегаметафора появилось в русской литературе с появлением двух имен – Геннадия Айги и Виктора Сосноры. Именно эти два поэта, нарушая синтаксис и грамматику (точнее – создавая новые!), выстраивая монолитное стихотворное пространство, смогли создать ранее не существующее направление в русской поэзии, предвосхитить появление другого литературного поколения. Достойными продолжателями традиций выдающихся поэтов стали поэты-метаметафористы и Валерий Прокошин, которые также вошли в историю русской литературы.

Литература

[1] Аристотель, цитата из «Поэтического словаря» А. П. Квятковского. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. С. 156.

[2] Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З. И. Плавксина, В. М. Жирмунской. Вступ. ст. З. И. Плавксина. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 323.

[3] Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. С. 328, 329.

[4] Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. С. 156.

[5] Роман Якобсон в книге «Работы по поэтике: Переводы», М.: Прогресс, 1987, в частности, писал: «Трактуя о языковых явлениях прошлого, трудно избежать схематизации и некоторого рода механизации. Сегодняшний уличный разговор понятней языка „Стоглава“ не только обывателю, но и филологу. Точно так же стихи Пушкина как поэтический факт сейчас непонятнее, невразумительнее Маяковского или Хлебникова». С. 272.

[6] Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З. И. Плавксина, В. М. Жирмунской. Вступ. ст. З. И. Плавксина. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 327.

[7] Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. — М.: Прогресс, 1987. С. 331.

[8] Кедров К. Метакод и метаметафора. — М., ДООС, издание Елены Пахомовой, 1999. С. 189.

[9] Там же. С. 189, 190.

[10] Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX—XX веков. М., Советский писатель, 1988. С. 166.

[11] Там же. С. 167

[12] Виктор Соснора писал не стихи, не циклы стихов, а книги. Таковым было его творческое кредо.

[13] Соснора В. // Зинзивер. 2010. № 2 (18). С. 48.

[14] Айги Г. // Новый мир. 2007. № 3. URL: www.magazines.ru

[15] В книге «Синтетика поэзии: мысли и замечания», М.: КРАСАНД, 2010, В. Я. Брюсов рассматривал поэзию как универсальную и максимально емкую языковую систему. Он, в частности, писал: «В смысле широком „поэзия“ — все создания искусства, выраженные словом. Тогда и роман, например, „Война и мир“, также — поэзия. В более узком (и более подлинном) смысле, „поэзия“ — особый род словесного искусства, противопоставляемый „художественной прозе“». С. 81

[16] Толстой Л. Н. Отец Сергей: Повести. — М.: Профиздат, 2008. С. 309, 321.

[17] Прокошин В. Выпускной-77 // Дети Ра. 2007. № 5—6 (31—32). URL: www.magazines.ru

[18] Соснора В. Из цикла «Пьяный ангел». Книга стихов (1969) // Зинзивер. 2010. № 2 (18). URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=2087>

[19] Степанов Е. Метафора. Метаметафора. Метабола // Дети Ра. 2011. № 9 (83). URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2011/9/metafora-metametafora-metabola.html>